

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РЕАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Д. В. Маковская, С. А. Бичаков

Севастопольский государственный университет,
Российская Федерация, 299053, Севастополь, Университетская ул., 33

В статье проведен анализ этнических аспектов политики «мягкой силы» при реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье. Рассмотрены понятия «проект», «политический проект», «геополитический проект». Выделена субъективная сторона геополитических проектов. Констатируется дефицит исследований роли отдельных элементов «мягкой силы» в реализации геополитических проектов, в том числе изучения феномена этничности в данном контексте. Обосновывается возможность конструктивного и деструктивного использования этнической составляющей политики «мягкой силы». Рассмотрены методологические возможности неореализма и конструктивизма в изучении этничности как ресурса «мягкой силы». На основе анализа французского средиземноморского проекта, турецкого пантюркистского проекта и взаимодействия Китая со странами Ближнего Востока выделены ключевые аспекты использования этнической составляющей в качестве ресурса политики «мягкой силы» при реализации геополитических проектов региональных и нерегionalных факторов международных отношений в Большом Средиземноморье. В частности, проводится анализ французского средиземноморского проекта как геополитического. Определено, что этническая составляющая «мягкой силы» Франции реализуется в основном через использование языка как одного из ключевых маркеров этнической идентичности. Анализируется турецкий пантюркистский проект. Показано, что наиболее эффективными средствами распространения турецкого влияния на тюркском пространстве, которое может быть классифицировано как проявление этнического компонента «мягкой силы», выступают использование влияния турецкой диаспоры, продвижение турецкой системы образования и популяризация турецкого языка. В статье раскрывается значение Ближнего Востока для крупных геополитических проектов в Китае. Отмечается, что для реализации этих проектов активно пропагандируются китайский язык и китайская культура в арабском мире, лоббистский потенциал китайской диаспоры используется как этническая составляющая «мягкой силы» Китая.

Ключевые слова: проект, геополитический проект, мягкая сила, этничность, Средиземноморский геополитический проект, пантюркизм, китайско-арабское сотрудничество.

Макрорегион Большого Средиземноморья — это трансграничное пространство, где веками происходили межцивилизационные взаимодействия и диффузии народов, ценностей и культур. Он уникален по количеству и многообразию представленных цивилизационно-культурных, политических, экономических моделей, этнической палитре. Это многообразие не отменяет определенной общности социального и политического пространства Большого Средиземноморья, обусловленного существованием в прошлом цивилизационных структур

тур, наследие которых и сейчас проецируется на взаимодействие государств данного макрорегиона.

Большое Средиземноморье имеет огромное значение для мировой экономики с точки зрения добычи и транзита углеводородов, является важнейшим ключевым военно-стратегическим плацдармом. Почти не прекращающиеся здесь политические, этнорелигиозные, экономические кризисы, локальные вооруженные конфликты оказывают масштабное влияние на все мировые политические и экономические процессы.

Данный регион пользуется повышенным вниманием со стороны мировых держав, некоторые из них стремятся изменить существующий геополитический баланс сил, используя сложившиеся здесь противоречия. Кроме того, Большое Средиземноморье становится полем реализации многих разноуровневых геополитических проектов, которые в силу его особенностей не существуют изолированно, а репродуцируются на все его пространство и исходят от региональных и внерегиональных игроков разного уровня политической субъектности. Осуществление больших геополитических проектов и участие в них не только требуют наличия определенного набора средств и ресурсов, но и обуславливают их внимательное изучение, расширение и систематизацию, в особенности с учетом значимости макрорегиона для внешней политики Российской Федерации.

Тема настоящей статьи обязывает нас рассмотреть ключевое понятие «геополитический проект», производное от терминов «проект» и «политический проект». Варианты их использования разнообразны, но зачастую под «проектом» подразумевается содержание, зависящее от контекста употребляемого термина, и «широкий диапазон трактовок сопровождается легкой подменой понятия “проект” понятиями “прогноз”, “план”, “модель” и т.д. (Митрохина, 2015, с. 121).

Целесообразным представляется определение «проекта» как прототипа, прообраза предлагаемого объекта. Особенности политического проекта коренятся «в его целях, сформированных на основе субъективного представления субъекта проектирования о будущем политическом устройстве, оформленных в виде интеллектуального продукта, его особых свойствах и качествах, всегда направленных на получение определенного объема власти или на укрепление властных позиций внутриполитического уровня либо во внешнеполитических отношениях» (Митрохина, 2015, с. 121).

Понятие «геополитический проект» не имеет четкого академического определения, и его достаточно трудно отнести к строго научной терминологии, оно также может скрываться за терминами «концепции», «программы» и др. Предлагаемые в исследованиях дефиниции также характеризуются в некотором роде подменой понятий. Например, в определении геополитического проекта как «стратегического плана, рассчитанного на более или менее масштабную трансформацию геопространственной структуры политической системы объекта воздействия» (Гольцов, 2016, с. 58–59) происходит подмена понятия «проект» понятием «план», который все же целесообразно рассматривать как составную часть проекта.

В качестве рабочего определения допустимо предложить следующую формулировку: геополитический проект — это умозрительно конструируемый образ геопространственной структуры политической системы, на формирование которой направлены действия субъектов, содержащий сведения о механизмах, ресурсах, способах и сроках его создания.

Исходя из вышесказанного, субъектная сторона геополитических проектов может быть представлена отдельными государствами, объединениями государств или международными организациями, объектная — пространственными единицами (макрорегионы, регионы, субрегионы, конкретные государства или их составляющие). Практическое осуществление геополитических проектов требует использования соответствующих ресурсов и применения определенных инструментов, в том числе политики «мягкой силы».

Феномен «мягкой силы» подробно представлен в зарубежных и отечественных исследованиях. Значительная часть из них посвящена теоретическому анализу самого концепта «мягкая сила» («умная сила», «разумная сила»), соотношению «мягкой силы» и «жесткой силы». Серьезное внимание уделяется проблематике возможности оценить потенциал и эффективность реализации «мягкой силы» государств, различным геополитическим проектам как ресурсу политики «мягкой силы».

На наш взгляд, сегодня имеется некоторый дефицит исследований роли отдельных элементов «мягкой силы» в реализации геополитических проектов, в том числе изучения феномена этничности в данном контексте. Значимость подобного рода разработок во многом определяется тем, что ожидания полного нивелирования этнической дифференциации в процессе индустриализации и модернизации общества оказались неоправданными и этническая идентичность остается одной из лидирующих в комплексе присущих современному человеку и социуму идентичностей.

Всепроникающий характер этничности, свойственная ей иррациональность, этнополитическая и этноконфессиональная сложность Большого Средиземноморья обуславливают то, что геополитические проекты, осуществляемые в макрорегионе, должны реализовываться с учетом этнического компонента. Исследовательская и практическая работа в этом направлении невозможна без выявления основных параметров и особенностей использования этничности в инструментарии «мягкой силы» при реализации геополитических проектов.

Когерентный подход к феномену этничности позволяет в полном объеме рассматривать его как один из ресурсов «мягкой силы», которая на данный момент приобрела характер неоднозначного многоуровневого концепта, обладающего широким интерпретационным разнообразием. Мы исходим из инструменталистского понимания феномена «мягкой силы», в рамках которого он выступает инструментом политического воздействия, движущей силой социально-политических преобразований современного мира и базируется на информационно-психологических технологиях влияния на массовое и индивидуальное сознание без применения прямых силовых методов воздействия.

Кроме того, исходя из ключевых противоречий в понимании «мягкой силы», формирующихся в зависимости от целей и направленности ее реализации,

можно выделить два подхода к этому феномену, учитывающих этническое измерение (Наумов, 2016, с. 75).

Первый подход подразумевает позитивное привлечение этничности в качестве компонента «мягкой силы». Этот подход, используемый для повышения привлекательности государства, выстраивания его миролюбивой политики, включает признание равноценности интересов и ценностей всех участников этнополитического процесса и направлен на формирование бесконфликтных параметров межэтнического взаимодействия.

Второй подход допускает деструктивное использование этничности для конструирования конфликтов, связанных с этническим компонентом, дестабилизации государственного управления, стимулирования процессов этнического сепаратизма и разрушения государства.

Самым «благоприятным» фактором для деструктивного использования ресурса этничности выступает полиэтнический характер государства. Однако наиболее вероятно его применение в разделенных по конфессиональному, этноконфессиональному и этническому признакам обществах, где этничность считается одной из наиболее агрессивных социальных дихотомий (Наумкин, 2015, с. 68). В сложных системах любая дихотомия иллюзорна, неочевидна. В частности, сирийский конфликт, в котором алавитское меньшинство претендует на распоряжение властным ресурсом при сохранении унитарной формы государственного устройства, начался в 2011 г. с протестного движения, порожденного всплеском социального недовольства после пяти лет засухи, приведшей к миграции массы обедневшего сельского населения в города (Наумкин, 2015, с. 70–71).

Достаточно часто деструктивное прочтение «мягкой силы» критикуется как его слишком редуцированная интерпретация, тождественная пропаганде, идеологической обработке и агитации, т. е. технологиям «жесткой силы». Основания для неприятия возможности отрицательного использования «мягкой силы» обычно директивны, апеллируют к позитивной природе «мягкой силы» и невозможности использования ее в деструктивных целях вопреки сути феномена.

Тем не менее даже центральная категория концепта «мягкая сила» — привлекательность — может рассматриваться и как убеждение, и как скрытое воздействие для склонения объекта влияния к согласию, что та или иная привносимая извне модель предлагаемой вероятной действительности обладает этим качеством.

Непосредственно сам элемент привлекательности нуждается в конструировании. Ведь даже при признании плюрализма и равенства ценностей и идеалов, свойственных первоначальному, неолиберальному прочтению концепта «мягкая сила», не может быть одинаково привлекательных моделей действительности для всех социальных групп в дифференцированном обществе. Соответственно невозможность существования «универсальной привлекательности» означает невозможность существования универсальной «мягкой силы» (Лебедева, 2017, с. 218). Продукты, предлагаемые объекту воздействия извне, могут категорически не совпадать с его собственными представлениями о привлекательности, что определяет необходимость конструировать привлекатель-

ность предлагаемого образа в процессе коммуникативного обмена. Иными словами, формирование привлекательности подразумевает наличие у заинтересованного актора международных отношений нужных для этого ресурсов и применение соответствующих ситуации технологий.

Сам концепт «мягкая сила» возник в методологическом поле неолиберализма, но наиболее операциональным основанием исследования этничности в качестве ресурса «мягкой силы» выступает сочетание неореализма с постмодернистскими подходами в теории международных отношений, в частности с конструктивизмом, в рамках которого осуществляется актуализация сущности восприятия и осмысления реальности в построении и реализации международных отношений. Опираясь на положения, сформулированные американским конструктивистом А. Вендтом, можно говорить о том, что система международных отношений базируется на взаимодействии ее акторов, в результате чего формируется конкретная социальная реальность, и «характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями государства по поводу друг друга, и это устанавливается социальными, а не материальными структурами» (Wendt, 1999, p.20) при сохранении второстепенной значимости силы и интересов государств.

Конструктивистский подход, в свою очередь, позволяет рассматривать «мягкую силу» как создающую социальную реальность, определяющую, какие материальные и нематериальные ресурсы могут использоваться и как они должны пониматься при формировании привлекательного образа для других акторов мировой политики.

Значительным эвристическим потенциалом, позволяющим преодолеть противоречия реализма и конструктивизма, обладает теория феноменологического конструктивизма, разработанная П. Бергером и Т. Лукманом. Согласно этой теории, познающий субъект в большей степени конструирует, а не отражает реальность в рамках определенного культурно-эпистемологического контекста, но данная реальность в значительной степени соответствует существующей действительности.

Безусловно, в одной публикации достаточно трудно проанализировать все многообразие ситуаций, где этничность используется при реализации политики «мягкой силы», поэтому мы выделили несколько наиболее типичных кейсов.

Средиземноморский проект Франции. После крушения французской колониальной империи для удержания средиземноморских государств, в первую очередь стран Магриба, в своей зоне влияния Франции необходимо было разработать полноценную средиземноморскую политику. Непосредственную угрозу для ее доминирования в регионе представляло усиливавшееся влияние со стороны США, которые добились во второй половине XX в. статуса самого сильного нерегионального политического актора в Большом Средиземноморье, а впоследствии — возросшая активность Китая, Японии и стран Персидского залива. Значительную роль играли крайняя зависимость Франции от импорта энергоресурсов, проблемы незаконной миграции и необходимость сохранения статусных позиций в условиях обострившегося соперничества с Германией на европейском пространстве после ее объединения.

Средиземноморский геополитический проект Франции сначала реализовывался в формате Евро-средиземноморского сотрудничества как Барселонский процесс, а впоследствии в формате Средиземноморского Союза. Согласно первоначальной идее в проект должны были войти только прибрежные средиземноморские страны под общим лидерством Пятой республики, но из-за негативной реакции большинства стран ЕС, в первую очередь Германии, Средиземноморский Союз трансформировался в Союз для Средиземноморья (Карева, 2015).

Реализуя свои средиземноморские инициативы, Франция активно использует политику «мягкой силы», к основным направлениям которой исследователи относят «культуру и продвижение языка; сотрудничество в области образования, научно-техническое и инновационное сотрудничество; развитие деловых связей; развитие общественной дипломатии; содействие международному развитию» (Нагорнов, 2014, с. 167).

Этнический компонент «мягкой силы» Франции реализуется через использование одного из ключевых маркеров этнической идентичности — языка, в исторической ретроспективе объединявшего все бывшее социокультурное пространство французской империи. Лингвистическое направление «мягкой силы» осуществляется через проект «Франкофония»; его реализация обеспечивает Франции присутствие в ключевой зоне своих геополитических интересов, расширение и закрепление сфер влияния в контексте восстановления имперской идеологии. Этот проект позиционируется как официальная межправительственная структура, «целью которой является укрепление своих позиций на мировой арене и решение геополитических задач» (Филиппов, 2018). На данный момент в международную организацию «Франкофония» входят «58 государств, 3 ассоциированных члена и 14 нефранкоговорящих наблюдателей, таких как Армения, Венгрия, Грузия, Хорватия» (Бокерия, Соколова, 2014, с. 95).

Проект «Франкофония» распространяется на Закавказье, в первую очередь на Армению, отношения с которой основаны на присутствии во Франции полумиллионной армянской диаспоры. В свою очередь, Армения и Нагорный Карабах активно используют потенциал армянской диаспоры во Франции, в США и в других странах для продвижения своих интересов, для вывода Нагорного Карабаха из международной изоляции. Примерами могут служить: заключение Декларации о дружбе между карабахским городом Шуши и французским Бур-ле-Валанс, где проживает большая армянская диаспора; создание Круга дружбы Франция — Карабах, куда входят более 30 французских парламентариев и политических деятелей; создание в Европарламенте Группы дружбы с Нагорным Карабахом.

Наряду с активно продвигаемыми идеями и декларируемыми лозунгами «мягкой дипломатии», Франция после ухода из Африки по окончании Второй мировой войны реализовывала французскую неоколониальную стратегию «Франсафрик» через ярко выраженные инструменты «жесткой силы», включая организованные перевороты, военные экспедиции наемников, экономическое давление, позволявшие Парижу вмешиваться во внутренние дела суверенных стран (Филиппов, 2018).

Пантюркистский проект Турции. Пантюркистский проект Турции стал одной из составляющих (наряду с неоосманизмом) реализации внешнеполитических целей Турции — восстановления Турцией как наследницей Османской империи гегемонии в ближнем зарубежье, а впоследствии трансформации в мировую державу. Пантюркизм полностью опирается на этнические основания, предполагает интеграцию тюркских народов и государств, распространяется на весь ареал их расселения, включая постсоветские республики Центральной Азии, Кавказ, Средиземноморье, территории до Дальнего Востока России и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

В радикальной форме пантюркизм реализуется через идею создания единого государства «Великий Туран», в более умеренной — через проекты «Тюркского содружества наций», «Ассоциации независимых тюркских государств». На данный момент существует несколько организаций, обеспечивающих «мягкое» сближение Турции с общественно-политическими силами тюркских государств и народов. Учреждены и активно действуют Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет сотрудничества тюркоязычных государств.

Один из эффективных способов распространения турецкого влияния на тюркском пространстве — продвижение турецкой системы образования и популяризация турецкого языка через Международную организацию по совместному развитию турецкой культуры и искусства. До коррупционного скандала 2013 г. официальная Анкара поддерживала активную просветительскую деятельность движения Ф. Гюлена «Хизмет» на «тюркском» пространстве.

Проводником интересов Турции в реализации стратегии «мягкой силы» активно выступает этническая диаспора. Создаваемые за рубежом при участии Правительства Турции и поддерживаемые им турецкие культурные центры, образовательные учреждения, бизнес-структуры ориентируются в том числе на турецкую диаспору (около 5 млн чел.). Аппарат премьер-министра Турции включает Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных народов — специальное агентство по работе с турецкой диаспорой. Ее представители активно лоббируют интересы Турции, улучшая ее имидж через сотрудничество с правительственными и неправительственными организациями (Алиева, 2014, с. 76).

Распространение пантюркистских идей зачастую принимает характер этнической экспансии, не учитывающей интересов автохтонных народов государств, входящих в сферу пантюркизма. В частности, в Азербайджане, который идет по курсу тотальной тюркизации, из образовательного и культурного пространства планомерно вытесняются русский и иранский компоненты.

Геополитические проекты Китая на Ближнем Востоке. Ближний Восток имеет огромное значение для Китая при реализации проектов «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути XXI в.», для обеспечения энергетической безопасности, в сфере торговли, геополитического противостояния с США, проецируемого на Большое Средиземноморье. Все это обуславливает наращивание политического и экономического взаимодействия Китая с государствами Ближнего Востока, а также военного присутствия в макрорегионе.

С 2004 г. работает Форум китайско-арабского сотрудничества, созданный для осуществления долгосрочного взаимодействия Китая и арабских государств. Принята Тяньцзиньская декларация «Китайско-арабские стратегические отношения в интересах всестороннего сотрудничества и совместного развития» (2010 г.). Установлены «стратегические отношения» с рядом арабских стран, учрежден механизм стратегического диалога с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, Китаем и арабскими странами, приняты «План развития на 2014–2024 гг.» и новая стратегическая концепция в отношении арабских стран и т. п.

Основным элементом стратегии «мягкой силы» Китая в макрорегионе стало интенсивное продвижение китайского языка и китайской культуры в страны арабского мира, где для лоббирования экономических и политических вопросов используется китайская диаспора. Стратегия «мягкой силы» включает конкурентную борьбу центрального телевидения КНР с арабским телевидением через запуск нескольких телеканалов, вещающих на арабском, фарси, французском и английском языках в круглосуточном режиме (Глазунов, Савченко, 2018, с. 23).

Присутствие Китая в Большом Средиземноморье характеризуется внимательным отношением к национальным особенностям каждого государства, стремлением не переходить к конфликтному взаимодействию с государствами Ближнего Востока. Тем не менее этнический фактор оказывает мощное влияние на его политику. В частности, Китай вынужден обеспечивать свое военное присутствие в регионе, так как в сирийском конфликте участвуют уйгурские сепаратисты, проходящие там боевую подготовку.

Проблема уйгурского сепаратизма активно используется США в геополитическом противостоянии с Китаем (Мавлонова, 2017, с. 777–778) под лозунгами защиты прав человека и народов. США через посредничество Национального фонда доноров в защиту демократии, оказавшего спонсорскую поддержку цветным революциям и антиправительственным выступлениям в Грузии, Сербии, на Украине, в Иране, осуществляют финансирование Всемирного уйгурского конгресса и Американской ассоциации уйгуров. В случае утраты Синьцзяна Китаю будет сложнее претендовать на статус мировой державы, сохранить свои позиции на Ближнем Востоке и положение ведущего государства в Азии. Выход Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) из состава Китая нанесет серьезный ущерб экономике страны и сделает намного более сложным выстраивание отношений между Пекином и исламскими государствами, под вопросом окажутся союзы с Ираном, Пакистаном и центральноазиатскими республиками (Мавлонова, 2017, с. 778).

США как крупнейший актер геополитических проектов в Большом Средиземноморье активно эксплуатирует негативные контексты использования ресурса «мягкой силы», поддерживая дезинтеграционные тенденции в макрорегионе. Например, не получая официального одобрения со стороны Вашингтона, сторонники независимости Каталонии пользовались активной негласной поддержкой со стороны одной из ключевых неправительственных организаций США — Фонда Сороса (Савин, 2017).

Наращивая взаимодействие с ближневосточными государствами, Китай вынужден определяться со своей позицией в конфликтах, связанных с этническим компонентом. Например, руководство КНР декларирует необходимость решения палестино-израильского конфликта в рамках международного права и заявляет, что «Пекин и в дальнейшем будет поддерживать Палестину в вопросе независимости» (Глазунов, Савченко, 2018, с. 24). Данная позиция обусловлена необходимостью поддерживать хорошие отношения с Палестиной для выстраивания сотрудничества с арабскими государствами.

Израиль, в свою очередь, реализует политику цифровой «мягкой силы» (*digital soft power*) через активный экспорт технологий и продуктов научной деятельности для упрочнения внешнеполитических позиций государства, расширения израильского информационного, научного и технологического присутствия в наиболее влиятельных государствах, в том числе в Индии и Китае. Интересы Израиля связаны с необходимостью легитимации жесткой наступательной политики по отношению к Палестине и получения политического содействия независимых государств, способных поддержать политические интересы Израиля в отношении Ближнего Востока, например, воздержавшись от голосования за международные запретительные резолюции в отношении израильской политики (Арефкин, 2017, с. 139). Китайские же эксперты оценивают Израиль как наиболее стабильного, безопасного и надежного партнера для Китая из всех ближневосточных государств (Глазунов, Савченко, 2018, с. 24).

Таким образом, анализ использования этнического компонента в качестве ресурса «мягкой силы» в реализации геополитических проектов региональных и нерегionalных акторов международных отношений в Большом Средиземноморье позволил выделить ряд ключевых аспектов данных взаимодействий, которые являются обобщенной проекцией всей картины в целом:

- 1) этнический компонент остается востребованным в рамках политики «мягкой силы», которая в рассматриваемом ракурсе может обладать как положительной, так и отрицательной окраской;
- 2) ресурс этничности в политике «мягкой силы» могут эксплуатировать и региональные, и внерегиональные акторы международных отношений, при этом в качестве ресурса способны выступать как отдельные маркеры этничности, так и этническая идентичность в целом;
- 3) в основе привлечения ресурса этничности в политике «мягкой силы» зачастую находится имперское прошлое субъектов геополитических проектов;
- 4) этнический компонент способен выступать как характеристика объекта, который необходимо учитывать при реализации «мягкой силы», и как характеристика субъекта, оказывающего воздействие на субъект, и как условие среды, где реализуется геополитический проект;
- 5) в условиях полиэтничности Большого Средиземноморья анализ этнического компонента «мягкой силы» в реализации геополитических проектов должен производиться в структуре многосоставной «субъект-

субъектной» модели; необходимо также учитывать этнические характеристики акторов, реализующих роль проводника политики «мягкой силы».

Рассмотренные в статье случаи отражают лишь наиболее распространенные схемы использования этнического компонента в политике «мягкой силы», что обуславливает необходимость дальнейшей разработки данной тематики. Названный ресурс трудноизмеряем, его эффекты достаточно сложно оценивать и прогнозировать из-за иррациональности, присущей этничности. Соответственно, нужно выработать четкие критерии оценки этнического потенциала как компонента «мягкой силы» и характеристики пространства использования «мягкой силы» для эффективного планирования и реализации геополитических проектов, реализуемых в полиэтничных регионах.

Литература

Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 5, № 3. С. 63–94.

Арефкин Р. В. Современная концепция «мягкой силы» Израиля // Дискурс-Пи. 2017. № 14 (1). С. 136–142.

Бокерия С. А., Соколова Н. В. «Мягкая сила» как инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте культурно-лингвистической политики Франции // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2014. № 2. С. 93–111.

Глазунов О. Н., Савченко А. Л. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 22–26.

Гольцов А. Г. Трансформация геополитического порядка на постсоветском пространстве // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. 2016. № 1 (80). С. 54–72.

Карева Д. О. Средиземноморская политика Франции в конце XX — начале XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 291 с.

Лебедева М. М. Мягкая сила: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.

Мавлонова А. С. Влияние внешних факторов на развитие сепаратизма в СУАР КНР // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 4. С. 770–780. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780>.

Митрохина Т. Н. Политический проект как категория политической науки // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 2 (56). С. 117–122.

Нагорнов В. А. «Мягкая сила» по-французски // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9, № 2. С. 167–189.

Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

Наумов А. О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 73–86.

Савин Л. За кулисами каталонского сепаратизма // Фонд стратегической культуры. 2017. 2 окт. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/10/02/za-kulisami-katalonskogo-separatizma-44755.html> (дата обращения: 15.01.2019).

Филиппов В. Р. «Мягкая сила» en français // Алтайская школа политических исследований. 2018. 2 дек. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4575> (дата обращения: 15.01.2019).

Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Маковская Дарья Владимировна — канд. полит. наук, вед. науч. сотр.; 76mdvl@mail.ru

Бичаков Сергей Александрович — аспирант; bichakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 17 января 2019 г.;

рекомендована в печать: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: *Маковская Д. В., Бичаков С. А.* Этнический аспект политики «мягкой силы» в реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 3. С. 392–403.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.305>

ETHNIC ASPECT OF THE “SOFT POWER” POLICY IN THE IMPLEMENTATION OF GEOPOLITICAL PROJECTS IN THE GREATER MEDITERRANEAN

Daria V. Makovskaya, Sergey A. Bichakov

Sevastopol State University,

33, Universitetskaya ul., Sevastopol, 299053, Russia; 76mdvl@mail.ru

The article analyzes the ethnic aspects of the “soft power” policy in the implementation of geopolitical projects in the Greater Mediterranean. The concepts “project”, “political project”, “geopolitical project” are considered. The subjective aspect of geopolitical projects is highlighted. The possibility of using the ethnic component of the “soft power” policy in a constructive and destructive way is substantiated. The methodological possibilities of neorealism and constructivism in the study of ethnicity as a resource of “soft power” are considered. Based on the analysis of the French Mediterranean project, the Turkish Pan-Turkic project and the interaction of China with the countries of the Middle East, the key aspects of using the ethnic component as a resource of soft power policy in the implementation of geopolitical projects of regional and non-regional factors of international relations in the Greater Mediterranean are highlighted. The analysis of the French Mediterranean project as a geopolitical one is carried out. It is determined that the ethnic component of the soft power of France is mainly realized through the use of the language as one of the key markers of ethnic identity. The Turkish pan-Turkic project is analyzed. It is revealed that the most effective means of spreading Turkish influence in the Turkish space is to use the influence of the Turkish diaspora, promote the Turkish education system and popularize the Turkish language. The article reveals the importance of the Middle East for the implementation of major geopolitical projects in China. It is stated that in order to implement these projects, the Chinese language and Chinese culture in the Arab world are actively promoted; the lobbying potential of the Chinese diaspora is used as the ethnic components of China’s soft power.

Keywords: project, geopolitical project, *soft power*, ethnicity, Mediterranean geopolitical project, Pan-Turkism, Chinese-Arab cooperation.

References

- Alieva A. I. “Soft Power” in Foreign Policy of Modern Turkey. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, 2014, vol. 5, no. 3, pp. 63–94. (In Russian)
- Arefkin R. V. Modern “Soft Power” Conception of Israel. *Diskurs-Pi*, 2017, no. 14 (1), pp. 136–142. (In Russian)
- Bokeriia S. A., Sokolova N. V. Soft power in the system of French security (the example of la francophonie). *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, no. 2, pp. 93–111. (In Russian)
- Glazunov O. N., Savchenko A. L. Features and priorities of China’s foreign policy in the Middle East. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2018, no. 3, pp. 22–26. (In Russian)
- Gol’tsov A. G. Transformation of Geopolitical Order in Post-Soviet Space. *Politiia. Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki*, 2016, no. 1 (80), pp. 54–72. (In Russian)

Kareva D. O. *The Mediterranean policy of France in the late 20th – early 21st centuries*: PhD thesis in Historical Sciences. Moscow, 2015. 291 p. (In Russian)

Lebedeva M. M. Soft Power: The Concept and Approaches. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3 (54), pp. 212–223. (In Russian)

Mavlonova A. S. The influence of external factors on the development of separatism in Xinjiang of PRS. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 770–780. (In Russian)

Mitrokhina T. N. Political project as a category of political science. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2015, no. 2 (56), pp. 117–122. (In Russian)

Nagornov V. A. Soft Power “à la Française”. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 167–189. (In Russian)

Naumkin V. V. Deeply divided societies in the middle east conflict: Violence and foreign intervention. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, 2015, no. 1, pp. 66–96. (In Russian)

Naoumov A. O. “Soft power” and “colored revolutions”. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï*, 2016, no. 1 (6), pp. 73–86. (In Russian)

Savin L. Behind the scenes of Catalan separatism. *Fond strategicheskoi kul'tury*. 2017. 2 October. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2017/10/02/za-kulisami-katalonskogo-separatizma-44755.html> (accessed: 15.01.2019). (In Russian)

Filippov V. R. “Soft power” en français. *Altai School of Political Studies*. 2018. 2 December. Available at: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4575> (accessed: 15.01.2019). (In Russian)

Wendt A. *Social theory of international politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Received: January 17, 2019

Accepted: June 25, 2019

For citation: Makovskaya D.V., Bichakov S.A. Ethnic Aspect of the “Soft Power” Policy in the Implemetation of Geopolitical Projects in the Greater Mediterranean. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 392–403. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.305> (In Russian)